

П. Пепперштейн

ФИЛОСОФСТВУЮЩАЯ ГРУППА И МУЗЕЙ ФИЛОСОФИИ

НА ПЛАТИНОВОЙ ТАБЛИЧКЕ, ИНКРУСТИРОВАННОЙ ПО КРАЯМ ОПАЛАМИ И ЖЕМЧУГОМ, НАПИСАНО:

Философствование иногда было (бывает, будет бывать) последствием галлюцинаций, чаще, впрочем, оно являлось проектом их преодоления – противоядием своего рода. Считается, что человеческий разум способен "перерабатывать" логос со специальной целью обеспечить себе подобными противоядиями, помогающими преодолеть ту степень идеологической интоксикации (отравленность иллюзиями), на которую обречено нефилософствующее существо.

НА ТЕМНОЙ ТАБЛИЧКЕ С ЗАКРУГЛЕННЫМИ УГОЛКАМИ, СДЕЛАННОЙ ИЗ СПРЕСОВАННОЙ УГОЛЬНОЙ ПЫЛИ, ПОМЕЩЕННОЙ В РАМКУ ИЗ КОСТИ ИСКОПАЕМОГО МАМОНТА (ЦВЕТ РАМКИ БЕЛО-ЖЕЛТОВАТЫЙ), НАПИСАНО:

С другой стороны, люди подозрительные и осмотрительные сообщили, что "противоядие" само может быть ядом или же наркотиком, что оно может даже соучастствовать в деле создания особых "отравляющих тел". Философ, – говорили эти представители осторожности, – вольно или невольно изобретает новые формы и типы зависимости, новые порабощающие моды. Философ делает это, следуя подсказкам, приходящим со стороны "отравляющих тел". Впрочем, то, что исходит от "отравляющих тел", никогда не приходит слишком уж "со стороны", поскольку "отравляющие тела" не знают разделения на "внутри" и "снаружи" – они сквозные, проникающие.

НА БОЛЬШОМ КУСКЕ ЗАМОРОЖЕННОГО КИТОВОГО САЛА ЗОЛОТОЙ НИТЬЮ НАПИСАНО:

Напротив, всегда существовали и наверное и впредь будут существовать люди, восторженно относящиеся к галлюцинациям. Такие люди предпочитают говорить о видениях, откровениях, восхищениях, экстазах и тому подобное. Эти поклонники и аденты галлюцинирования иногда упрекали логическое и рациональное мышление в том, что оно есть нечто скользящее по поверхности, не затрагивающее глубин. Существенными, в та-

ком случае, почитались переживания, имеющие место за границами рассуждения.

НА ЛЕЗВИИ ЗОЛОТОГО ТОПОРА НАПИСАНО:

Здесь на первый план, впрочем, всегда выходила проблема различия между подлинными и неподлинными переживаниями глубин, между "откровением" и "прелестью". Различие это невозможно осуществить без той или иной тактики рассуждения, данной в традиции. Тема различия (невозможного без некоторой настороженности, без бдительности) объединяет почти все мистические и медитативные практики в иппохондрический компендиум, напоминающий философский, также объединенный изнутри фобиями: боязнью противоречий, иллюзий, повторов, бессознательных заимствований, троизмов, наконец (и это самый нервирующий и плохо устранимый вид фобии) глубоким страхом перед избыточностью, ненужностью, невостребованностью тех или иных витков дискурса.

НА ПОВЕРХНОСТИ ЯЙЦА (РАЗМЕРЫ ЯЙЦА СООТВЕТСТВУЮТ ЯЙЦУ СТРАУСА), СДЕЛАННОГО ИЗ ЦЕЛЬНОГО КУСКА ГОРНОГО ХРУСТАЛЯ, УКРЕПЛЕННОГО НА БРОНЗОВОЙ ПОДСТАВКЕ С ТРЕМЯ НОЖКАМИ В ВИДЕ ЛЬВИННЫХ ЛАП, ОБУТЫХ В РИМСКИЕ САНДАЛИИ, НАПИСАНО:

Наконец, нередко задумывались над тем, что сами по себе препирательства между "философствующими" и "галлюцинирующими" выглядят подозрительно: то ли за этим стоит политическая борьба между различными типами "властителей дум", то ли неуживчивость различных "психосюжетов", "психем", опирающихся на плохо совместимые типы практик.

НА СЕРЕБРЯНОЙ КОПИИ УХА ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ДЕВУШКИ НАПИСАНО:

Тут иногда приходилось узнать, что глубины с легкостью становятся поверхностями (а иначе они недостаточно глубоки), что эзотерический текст обладает априорной тривиальностью (и что всякая попытка сделать его менее банальным оборачивается глупостью и преступлением), что философствование это опосредованное традицией галлюцинирование в логосе. Логика, в ее классическом понимании, это старый делириозный регламент, когда-то выведенный за пределы бреда юридическими потребностями афинской демократии. Этот регламент поддерживается определенным статусом человеческого мозга, а также собственной традицией.

Наркотик и голод, сон и обыденный разговор, сытная еда и вино, отсутствие свободного времени и ничем не ограниченный досуг – все это комбинации урезаний и дополнений, нехваток и излишков, код несовпадений и

диссонансов. Все это, до некоторой степени, складывается в "повествование", однако в целом оно нечитаемо. Именно непрочитываемость делает это "повествование" экономической реальностью. Прочитываемыми остаются только его внутренние границы, разрывы, места нестыковок или, на-против, "случайных совпадений", случек, зоны черезчур невязчивых повторов, пиковые участки порнографических оргий и уравновешивающие их крайние варианты возрождения. Все эти эксцессы отмечены присутствием тех или иных *технических возможностей*, смягчающих или даже (временно) устраниющих гнет экономических ограничений (конечность жизни, ограниченные ресурсы времени, сил, внимания и так далее).

НА ПОВЕРХНОСТИ СВИНЦОВОГО КОНУСА, НА ОСТРИЕ КОТОРОГО УКРЕПЛЕНА АНТЕННА, УСЫПАННАЯ БРИЛЛИАНТАМИ, НАПИСАНО:

В любом случае высказывание, будь то ссылающееся на галлюцинаторный опыт или являющееся следствием размышлений, имеет своим фактическим "внутренним" референтом тело высказывающегося. Это тело "не дано" в тексте, и его неданность конституирует текст. Раскрутка высказывания обратно к телу (этот обожествляемый реверс) – невроз критических дискурсов. Критика ищет рот, чтобы "примерить" к нему речь, чтобы заставить этот рот принять в себя обратно некогда сказанное слово. Критический дискурс ищет руку, чтобы заставить ее отыграть назад движения письма, "стереть" текст.

НА ПОДНОСЕ, КОТОРЫЙ ДЕРЖИТ БРОНЗОВАЯ СТАТУЯ КАЗАКА, РАЗРУБЛЕННОГО ПОПОЛАМ СВОИМИ ПРИЯТЕЛЯМИ, НО СПОКОЙНО ПОКУРИВАЮЩЕГО ЛЮЛЬКУ, НАПИСАНО:

Впрочем, критический дискурс не считает себя садистом-расчленителем. Этот дискурс предполагает (и не без некоторых на то оснований), что тело высказывающегося расчленено уже самим актом высказывания: только молчащее тело может быть цельным. Поэтому парциальные тела, такие как *It* (ЭТО) и *The Thing* (ВЕЩЬ), молчат – они уже являются следствием расчленения, им незачем и далее расщеплять себя.

НА ЗОЛОТОМ БИЛЬЯРДНОМ СТОЛЕ, ЧЬЕ ИГРОВОЕ ПОЛЕ РАВНОМЕРНО ПОКРЫТО ТОНКИМ, НО ПЛОТНЫМ СЛОЕМ КОКАИНА, ИМЕЮЩИМ ВИД БЕЛОГО ПОРОШКА, НАПИСАНО:

Критический дискурс изначально аппелирует к "кускам", к деталям, взявшим на себя бремя авторства. Говорящий рот, пищащая рука, бремя-мозг, икононизированное лицо, подстрекающие телесные дефекты, диктующие гениталии – все эти стереотипные аксессуары склады-

ваются воображением в монструозное авторское "тело", причем возникает тревожная мысль о том, что это "тело" потому только и замещает себя текстом, что оно само по себе слишком кошмарно.

НА ГРАНЯХ ПЯТИКОНЕЧНОЙ РУБИНОВОЙ ЗВЕЗДЫ, УВЕНЧИВАЮЩЕЙ НОВОГОДНЮЮ ЕЛЬ, ВЫТОЧЕННУЮ ИЗ ЦЕЛЬНОГО КУСКА УРАЛЬСКОГО МАЛАХИТА, НАПИСАНО:

Из этих авторских "тел" механически вычтается все неномеченные дискурсом зоны. Ими могут быть внутренности, щиколотки, локти, гипокамп, среднее ухо и прочее.

НА АЛМАЗНОМ СЛОНЕ НАПИСАНО:

Уродливое тело Сократа, сухощавое и якобы склонное к онанизму тело Канта, инфицированное и страдающее тело Ницше, задыхающееся и стремящееся к самоизоляции тело Пруста, возбужденное кокаином и все тем же онанизмом тело молодого Фрейда и его же старое тело, не испытывающее более никаких приятных ощущений – эти "тела" есть связки инсинаций и грез. Эти фантомы принадлежат культуре, они давно стали "общими местами", а общие места и охраняются сообща.

НА СЕРЕБРЯНЫХ ДЕТСКИХ САПОГАХ ВЫГРАВИРОВАНО:

Тело замкнуто. Его содержание (то есть набор "магических" эквивалентов того или иного авторского дискурса) утеряно, недоступно. Вначале эта утрата, эта недоступность мотивированы тем, что тело – живое. Затем, они же мотивированы тем, что тело – мертвое. Тем не менее высказывание подписано тем же именем, которым помечено тело. В практике цитирования имя автора иногда дается в скобках. В этих скобках умещается вся "скабрезная галлюциногенность", весь тонатомимезис, весь ужас того обстоятельства, что тело (носитель того же самого имени) в эти скобки помещено быть не может, хотя там, в каком то смысле, ему и место.

НА БЕЛОМ АТЛАСНОМ ЧЕХЛЕ, ВНУТРИ КОТОРОГО НАХОДИТСЯ ПЛАТИНОВАЯ КОПИЯ АВТОМОБИЛЬНОГО ДВИГАТЕЛЯ, ЧЕРНЫМ БИСЕРОМ ВЫШИТО:

Философу дана двойная возможность фrottировать зону собственной нетелесной телесности. Он может акцентировать свой нарциссизм, свой соллипсизм. Однако, таким образом, он лишь укрепляет традицию эффективностью своего присутствия-отсутствия в собственном тексте.

НА СТАЛЬНОМ КАРЛСОНЕ НАПИСАНО:

Имеется и другая возможность, связанная с псевдонимностью. Кьеркегор, возможно, острее других чувствовал фокус на поименованом теле высказывающегося, которое "трансцендентно" тексту, в то время как тела читателей этому тексту "даны", то есть парадоксальным образом "имманентны". Всю жизнь скрываясь за псевдонимами, Кьеркегор в конце жизни высказал пожелание, чтобы на его могиле написано было одно лишь слово – ЕДИНСТВЕННЫЙ.

НА ЧУГУННОМ ШАРЕ ВЕСОМ В 66 ТОНН, УКРЕПЛЕННОМ НА ТОНКОЙ, СТЕКЛЯННОЙ ИГЛЕ ВЫСОТОЙ В 102 МЕТРА, НАПИСАНО:

Имя собственное никогда не бывает целиком и полностью собственным. Персональное имя и персональное тело вовлечены в слишком тесные (и слишком старые) отношения с анонимным, они слишком очевидным, слишком экономическим образом сцеплены с другими именами, другими телами и их отсутствиями. Следует (хотя бы лишь с терапевтической точки зрения) ослабить тесноту этих сцеплений, сделать ситуацию более разреженной, более "пространственной", менее "хронической" и менее дисциплинированной. Иначе говоря, придать ситуации *технические* свойства. Для этого и появляется *философствующая группа*.

НА ПАРЧОВОМ ПАПСКОМ ОБЛАЧЕНИИ МЕЛКИМ ЖЕМЧУГОМ ВЫШИТО:

Можно сказать, что безответственность здесь возведена в высший принцип. Нашу маленькую (хочется сказать – микроскопическую) "философствующую группу", то есть Инспекцию "Медицинская герменевтика", можно сравнить с Бермудским треугольником. Вместо имен здесь – номенклатура. Раскручивая нити наших высказываний в направлении "реверс", критическое расследование не сможет добраться до тел, это расследование упрется в треугольник, чьи грани образованы тремя "окуленными" телами, тремя галлюцинирующими личинками, в центре – высказывающаяся пустота. Суть же высказывания – подмена, поглощение, исчезновение.

НА ФАРФОРОВОЙ КОПИИ ВЗОРВАННОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА НАПИСАНО:

Граница между философствованием и галлюцинированием, точнее клапан, заведующий "переключением" ("перекачкой") философствования в галлюцинирование и наоборот, – вот чем заведует микроскопическая "философствующая группа".

НА ТИТАНОВОМ ШЛЕМЕ, НАДЕТОМ НА ГОЛОВУ ИЗУМРУДНОГО СТАРИКА, ОСЕДЛАВШЕГО АКУЛУ, СДЕЛАННУЮ ИЗ РОЗОВОГО МРАМОРА (РАЗМЕРЫ АКУЛЫ СООТВЕТСТВУЮТ НАТУРАЛЬНЫМ), НАПИСАНО:

Это напоминает о переходе от ВСЕГО К НИЧЕМУ, напоминает о нагрузке, падающей на ядерную кнопку. С невероятной скоростью нам приходится передавать друг другу (не столько "по кругу", сколько "по треугольнику") наш "президентский" черный чемоданчик, нашу пизду, наш вагинальный знак верховной власти. Скорость должна быть предельной, умопомрачительной. От таких скоростей, как от космических перегрузок, люди, как правило, глупеют. Но иначе кто-то из нас может поддаться искушению совершить окончательное движение, финальный ласкающий жест – не столько нажатие на кнопку, сколько ободряющее "пожатие кнопки". Тогда галлюциноз навсегда останется галлюцинозом, логос навсегда останется логосом.

НА ПОВЕРХНОСТИ ОГРОМНОГО КУБА, СДЕЛАННОГО ИЗ СПЛОШНОГО ЧЕРНОГО КАМНЯ, УКРЕПЛЕННОГО НА ПОДСТАВКЕ В ВИДЕ ЗОЛОТОЙ КУРИНОЙ ЛАПКИ, НАПИСАНО:

Однако, вместо катастроф, философствующая группа производит нечто вроде сокровищ, она производит клады и даже с большей или меньшей долей прилежания, оборудует для этих "кладов" специальные "острова" – "острова сокровищ" и "тайные острова". Отмененная катастрофа нуждается в драгоценном памятнике, она порождает сувениры ювелирного типа. Праобразом такого рода сокровищ могут считаться знаменитые яйца Фаберже. Соединение яйца и часов, тикающее яйцо с часовым механизмом внутри это, конечно же, бомба, но бомба, которая никогда не взорвется, также как "яичко золотое" никогда не разродится. Яйца Фаберже это обезвреженный, нирванизованный дискурс бомбизма, упрежденный террор. Они демонстрируют нам, как "адские машины" становятся ювелирными изделиями, роскошными украшениями рая. С политической точки зрения эти люксус-яйца реакционны, но в их ювелирной чешуе, во всех их жемчужинах и алмазах мириадами бликов горят размноженные отражения той искры, которая освещает само сердце реакции. Речь идет о категорическом требовании покоя.

НА НЕФРИТОВОЙ КОПИИ ЯДЕРНОГО ЧЕМОДАНЧИКА (ЯДЕРНАЯ КНОПКА ИМЕЕТ ВИД БОЛЬШОГО БРИЛЛИАНТА) НАПИСАНО:

Именно поэтому мы постоянно держим "дискурс Фаберже" за его драгоценные, тикающие яйца. Философские категории, "философемы", это

тоже "адские машины" своего рода, которые еще следует обзвредить. Философствующая группа каким-то образом (каким? каким образом?) производит вместо философии философский музей. Для этого даже не нужны специальные усилия, достаточно наличия философствующей группы, а "музей философии" сам сложится по ее следам, как пенный шлейф, как череда экспериментов. Здесь "идеи" могут много раз и навсегда отдохнуть от своей бесплотности, от своего существования "голодных духов", бесконечно жаждущих и не обретающих воплощения. Все философские категории здесь обретают свои предметные эквиваленты (именно эквиваленты, а не иллюстрации). Таким образом они успокаиваются.

НА ПЛАТИНОВОЙ КОПИИ БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ РАКЕТЫ СРЕДНЕГО РАДИУСА ДЕЙСТВИЯ НАПИСАНО:

Философский музей может быть только невероятно дорогостоящим. Нужны все сокровища мира, чтобы приобрести покой.

НА АЛМАЗНОЙ КОПИИ РАКЕТЫ "ЗЕМЛЯ – ВОЗДУХ" НАПИСАНО:

Чтобы порождать вещи "музея философии" от философствующей группы требуется немного – она должна находиться в состоянии перманентного распада. Это несложно, поскольку распад это вообще "рок группы", поэтому идеальными группами являются постоянно распадающиеся рок-группы.

НА МАТРЕШКЕ, СДЕЛАННОЙ ИЗ ЧЕРНОГО АСФАЛЬТА, НАПИСАНО:

Рай, как известно, это оазис, точнее цепочка оазисов, то исчезающих, то появляющихся на подвижной линии между дискурсом и нарративом. "Оазисы" – это зоны, где "технические возможности" на какое-то время, по каким-то причинам, заслоняют собой "экономическую реальность".

НА СТАТУЕ ГИГАНТА, КОТОРОГО ТРОГАЕТ ЗА ПЯТКУ БРОНЗОВАЯ СТАТУЯ ДЕВОЧКИ 11 ЛЕТ, ОДЕТОЙ В КОСТЮМ ДЛЯ ГЛУБОКОВОДНОГО ПЛАВАНИЯ С ЗОЛОТЫМ АКВАЛАНГОМ НА СПИНЕ, НАПИСАНО:

Такого рода затмения это "затмения тьмы светом", "мягкие вспышки", высвечивающие галлюциногему ВСЕГО в каноне УЮТА. В эти моменты мы видим интерьеры сокровищниц, комнаты одомашненной запредельности, залы согласованности, коридоры и капиляры инкрустированной понятийности. ВСЕ и НИЧТО вступают здесь в отношения любовного

сговора. НИЧТО прилагается ко ВСЕМУ как анестезирующий, а то и онанистический аттракцион.

НА РУБИНОВЫХ ВАЛЕНКАХ НАПИСАНО:

Таким образом философия исцеляется, через "прописанный" ей галлюциноз, от пронизывающей ее конфликтности, она становится отныне неполемичной, безотносительной, нарванизованой. Нарратогенный галлюциноз, в свою очередь, поддерживает с помощью этих нирванических дискурсов свои канонические, райские формы.

НА АЛМАЗНОЙ КОПИИ ДАЧНОЙ ВЕРАНДЫ НАПИСАНО:

Либидо это яйцо, чья скорлупа сплошь инкрустирована жемчугом. Катарсис это яшмовый пень. Бытие к смерти это серебряная палка. Воля к власти это противозачаточная спираль, выполненная в технике перегородчатая эмаль. Имаго это платиновая антenna, проходящая сквозь палехский поднос. Прибавочная стоимость это вологодские кружева в янтаре.

НА АЛМАЗНОЙ КОПИИ САРАЯ НИЧЕГО НЕ НАПИСАНО.

НА АЛМАЗНОМ ТОПОРЕ НИЧЕГО НЕ НАПИСАНО.

октябрь 1996